

ВОСТОК

Афро-азиатские общества: история и современность

1991

3

Выходит 6 раз в год

Основан в январе 1955 г.

В 1955—1958 гг. выходил под названием «СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»
 В 1959—1961 гг. выходил под названием «ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ»
 В 1961—1990 гг. выходил под названием «НАРОДЫ АЗИИ И АФРИКИ»

Р е д к о л л е г и я

Л. Б. АЛАЕВ
 главный редактор
 Ю. Г. АЛЕКСАНДРОВ
 В. М. АЛНАТОВ
 В. И. БРАГИНСКИЙ
 А. М. ВАСИЛЬЕВ
 В. Н. ГЛУНИН
 А. В. ГУДЫМЕНКО
 зам. главного редактора
 А. Б. ДАВИДСОН
 А. А. КУЦЕНКОВ
 Б. А. ЛИТВИНСКИЙ
 А. В. МЕЛИКСЕТОВ
 А. М. МОДЕЛЬ
 отв. секретарь
 Н. П. НИКУЛИН
 Э. Е. ОБМИНСКИЙ
 Ю. М. ОСИПОВ
 И. В. СЛЕДЗЕВСКИЙ
 В. Г. ХОРОС
 Г. И. ЧУФРИН
 В. Л. ШЕЙНИС
 Ф. Н. ЮРЛОВ
 В. А. ЯКОВСОН

Р е д а к ц и я

В. В. ЗУФАРОВА
 Л. С. КАЛЕНОВА
 ред. отдела культуры и идеологии
 Р. Г. КАНТОРОВИЧ
 ред. отдела критики и библиографии
 А. Б. КОВЕЛЬМАН
 ред. отдела истории
 С. С. НИКИФОРОВА
 ред. отдела «Научная жизнь»
 Н. Г. САБУРОВА
 В. Н. СОКОЛОВА

Технический редактор
 Г. А. НИКИТИНА

Москва
 «НАУКА»

Главная редакция восточной литературы

WILLIAM C. CHITTICK. THE SUFI PATH OF KNOWLEDGE:
IBN AL-'ARABI'S METAPHYSICS OF IMAGINATION.State University of New York Press,
Albany, 1989, introd. IX—XX, 478 p., index.*

© 1991

А. Д. КНЫШ

Возрастающий в последние годы интерес к идейному и духовному наследию мусульманского мистицизма стал причиной пристального внимания к творчеству его величайшего представителя — Мухйи ад-дина Ибн ал-'Араби (или Ибн 'Араби), родившегося в андалусском городе Мурсия в 1165 г. и скончавшегося в Дамаске в 1240 г. Изучению его жизни и взглядов посвятили свои труды такие крупные востоковеды, как Х. Нюберг, М. Аснн Паласос, Р. Никольсон, А. Корбан, Т. Изуцу. Начатые ими исследования продолжают и другие ученые. Не так давно к изучению наследия великого суфия приступили и в Советском Союзе¹.

В конце 70-х годов для координации усилий ученых, изучающих наследие Ибн ал-'Араби, в Оксфорде (Великобритания) было создано «Общество Мухйи ад-дина Ибн 'Араби», выпускающее ежегодный «Journal of the Muhyiddin Ibn Arabi Society»². Общество имеет филиалы в США, Австралии и Турции. Рецензируемая книга видного американского исследователя В. Читтика является, пожалуй, наиболее фундаментальным исследованием последних лет, в котором рассматриваются основные элементы мировоззрения суфийского мыслителя. В качестве основного объекта анализа автор избрал поистине гигантское, мало изученное учеными сочинение «Ал-Футухат ал-маккыйя», а не лапидарное «Фусус ал-хикам», на котором основывались выводы большинства исследователей наследия Ибн ал-'Араби.

Во «Введении» справедливо отмечается, что концентрация усилий на сложившейся вокруг «Фусус» комментаторской традиции, у истоков которой стоит ученик Ибн ал-'Араби Садр ад-дин ал-Кунави (ум. 1274), привела к абсолютизации философских и метафизических аспектов оригинального учения, забвению практических выводов, следующих из него. Впервые переориентация внимания с «Фусус» на «Ал-Футухат» осуществлена в работе крупного французского исламоведа М. Шодкевича, рассматривающего концепцию «святости» в интерпретации Шайха³. Она была подкреплена публикацией переводов избранных мест из «Ал-Футухат», подготовленной франко-американским коллективом авторов под редакцией того же М. Шодкевича⁴. Он показал, что подобная односторонняя трактовка неоправданна и искажает реальное положение дел. За ней часто скрывается неосознанное стремление ученых сделать учение Шайха интересным и понятным для западного читателя⁵, выявить в нем «конгенитальные» моменты. Те элементы его мировоззрения,

* *Вильям Читтик. Суфийский путь познания. Метафизика представлений Ибн ал-'Араби. Государственный университет прессы Нью-Йорка, Олбани, 1989, введение IX—XX, индекс, 478 с.*

¹ Помимо моей кандидатской диссертации «Основные источники для изучения мировоззрения Ибн 'Араби: „Фусус ал-хикам“ и „Ал-Футухат ал-маккыйя“» (Д. 10 ИВ АН СССР, 1986), а также ряда моих статей, ему посвящены разделы книги М. Т. Степанец «Философские аспекты суфизма» (М., 1987) и ее статья «Проблема познания в суфизме» (Вопросы философии, 1988, № 4, с. 118—127). См. также: А. В. Смирнов. Философия Ибн 'Араби (1165—1240). Автореф. канд. дис. М., 1989.

² К настоящему моменту вышло 8 выпусков этого ежегодника, издаваемого под эгидой организации «Бешара». Вместо 9-го выпуска, который должен был увидеть свет в 1990 г., планируется издать книгу «Ibn Arabi: His Life and Times. Commemorative Volume» (Oxford University Press, Oxford), приуроченную к 750-летию со дня смерти Шайха.

³ См.: М. Chodkiewicz. Le sceau des saints. Prophétie et sainteté dans la doctrine d'Ibn Arabi. P., 1986.

⁴ См.: *Ibn Arabi. Les illuminations de la Mecque. Textes choisis. Sous la direction de M. Chodkiewicz.* — La Bibliothèque de l'Islam. Sindbad, P., 1989.

⁵ В отечественной научной литературе встречаются также попытки трактовать идеи Ибн ал-'Араби в рамках «классового подхода», представляя его как «еретика», подрывающего устои мусульманской «ортодоксии» и противостоящего религиозному «обскурантизму». Проявляется и стремление отыскать в его учении элементы «материализма», замаскированного под «пантеизм».

которые не укладывались в привычную схему, либо отбрасывались, как «нерелевантные», либо оттеснялись на задний план, дабы не затемнить смысла, близкого менталитету, обращенному на образцах греко-римского философствования и западноевропейского рационализма. С точки зрения сторонников такого подхода, краткость «Фусус» намного предпочтительнее, нежели детальный, уводящий в сторону многослойный дискурс, содержащийся в четырех огромных томах «Ал-Футухат». Кроме того, философский каркас первого сочинения уже несколько веков назад был вычленен его многочисленными комментаторами, в том числе Му'аййид ад-Дин Джалли (ум. 1291), Абд ар-Раззаком ал-Кашани (ум. 1330), Даудом Кайсаром (ум. 1350) и другими мусульманскими мыслителями, чьи рационалистические толкования учения Ибн ал-'Араби легли в основу европейских представлений о нем.

Именно поэтому решительный поворот В. Читтика к «Ал-Футухат», с его первоначальной рыхлостью, бесконечными деталями и отступлениями, постоянными обращениями к традиционным мусульманским наукам, означает не просто смену объекта исследования, но настоящий пересмотр идейного наследия арабского суфизма. Оказывается, что многие стереотипы, сложившиеся в ходе многолетнего изучения «Фусус», не выдерживают проверки материалом «Ал-Футухат». Это относится, в частности, к ряду выводов А. Корбэна и Т. Изуцу, хотя и не означает их дискредитации.

Не берусь судить, предвидел ли В. Читтик все последствия своего шага (речь идет о стремлении сохранить «Ал-Футухат» в чистоте и незамутненности), в результате которого его книга превратилась, по существу, в выборку переводов (свыше 600!) с минимумом комментариев и анализа. Полагаю, однако, что подобный подход сделал ее трудной для понимания не только широкого читателя, но и специалиста, непосредственно не занимающегося данной проблематикой. Мы оказываемся, по сути дела, перед гигантской массой оригинального материала, подвергнутого, согласно замыслу В. Читтика, лишь первичной обработке. Чтобы выныкнуть из него, а значит, в мир идей Ибн ал-'Араби, необходимы большие усилия. Главным приобретением читателя, которому удастся преодолеть все трудности, станет постижение диалектического метода, характерного для философствования Шайха, а также напряженного диалектизма понятий, которыми он оперирует.

Книга состоит из семи разделов, каждый из которых раскрывает тот или иной аспект мировоззрения суфийского мыслителя. В разделе I («Общий обзор») дается сжатый перечень важнейших тем, затрагиваемых в отрывках из «Ал-Футухат», которые будут рассматриваться в последующих разделах. Раздел II («Теология») содержит предварительную небольшим комментарием подборку переводов, освещающих представления Ибн ал-'Араби о божестве, его именах и атрибутах. Подробно разбирается проблема соотношения непостижимой божественной Сущности с тем ее аспектом, который обращен к миру и выступает как творящий субъект. В разделе III («Онтология») излагается точка зрения Ибн ал-'Араби на бытие и небытие и их соотношение. Здесь также рассмотрены ключевые моменты его онтологической теории: «богоявление» (*таджали*), «новое творение» (*халк джадид*), «воображение» (*хайал*), «перешеек» (*барзах*), «дыхание Милостивого» (*нафас ар-рахман*) и т. п. Данный раздел, пожалуй, особенно знаком специалистам, так как именно онтологические вопросы более всего занимали предшественников В. Читтика.

В разделе IV («Теория познания») рассматривается весьма характерный для Ибн ал-'Араби вопрос о взаимоотношениях рационального познания (*назар*) и сверхразумного «вкушения» (*заук*), или интуиции. Путем умелой подборки цитат автор подводит читателя к важной мысли о приоритете мусульманского завета (*аш-шар'* или *аш-шари'a*) в гносеологической доктрине Шайха. Именно это, согласно Ибн ал-'Араби, служит решающим доводом в пользу истинности полученного знания. Все же ему противоречащее следует рассматривать в качестве заб-

гическое мировоззрение. Думается, что подобный подход, являющийся данью идеологическим установкам прошлого, исчерпав себя и попытки «оправдать» Шайха с позиций марксистской философии прекратятся.

луждения. Подраздел «Весы закона» (с. 170—189) позволяет увидеть многие скрытые нюансы позиции суфийского мыслителя в отношении пророческого откровения, а также органическую взаимосвязь традиционных и новаторских элементов в его творчестве. Подобранные В. Читтиком примеры удачно демонстрируют невозможность однозначного определения места Шайха в дихотомиях «прогрессивное — реакционное», «еретическое — ортодоксальное», «материалистическое — идеалистическое» и т. п. Столь же неоднозначен взгляд суфия на преимущества и недостатки рационального метода познания.

В разделе V («Герменевтика») разъясняются способы, с помощью которых Ибн ал-'Араби стремится добиться гармонии между различными видами познания и данными коранического откровения. Эту же проблему рассматривал А. Корбэн⁶, однако выводы В. Читтика выглядят более убедительными хотя бы потому, что он отказывается от присущего французскому востоковеду провинциального «уклона». В. Читтик показывает, что экзегетические приемы Ибн ал-'Араби нельзя рассматривать в рамках традиционного противопоставления *тафсир* («буквальное толкование») — *та'вил* («аллегорическое толкование»). В экзегезе Шайха причудливо переплелись черты и того и другого.

Раздел VI («Учение о спасении») посвящен анализу выводов, которые делает Ибн ал-'Араби из своих гносеологических и онтологических установок. Эта часть работы В. Читтика представляет большой интерес, поскольку практическая сторона учения Шайха мало известна. Автор знакомит читателя со сложными религиозно-этическими воззрениями суфия и с крайне запутанной проблемой соотношения абсолютной божественной воли и самостоятельного человеческого выбора, определяющего блаженство или страдание человека в будущей жизни. В. Читтик прав, подчеркивая роль понятия «абсолютное поклонение» (*'убудийа*) в этической доктрине Ибн ал-'Араби. Именно оно провозглашается целью и предназначением человеческого бытия.

Как продолжение гносеологического раздела можно рассматривать раздел VII («Достижение цели»), но здесь речь идет о восприятии бытия человеком, достигшим вершин познания бога и вселенной. Как и в предыдущих главах, В. Читтик акцентирует внимание на диалектичности воззрений Ибн ал-'Араби, его склонности к релятивизации понятий, стремлении рассматривать ситуацию одновременно с разных точек зрения, т. е. то, что автор, слегка перефразируя Шайха, называет «видением обоими глазами» и «преодолением божеств, созданных представлениями». Блестяще подобранные отрывки из «Ал-Футухат» в сочетании с эпизодическими пассажами из «Фусус» хорошо иллюстрируют немногочисленные аналитические суждения автора. Книгу эффектно завершает глава о конечной точке на пути познания — «стоянке отсутствия стоянки» (*макам ис макама*). Это одновременно и кульминация диалектического пафоса Ибн ал-'Араби.

Книга снабжена краткой библиографией, свидетельствующей о склонности автора к первичному материалу и сдержанном отношении к аналитическим исследованиям современных исламоведов. Тем не менее основные труды, посвященные изучению Шайха, за исключением работ М. Селлза⁷, здесь упомянуты. Приложения к книге («Индекс цитированных источников», «Индекс коранических цитат», «Индекс хадисов и высказываний», «Индекс собственных имен и терминов») делают ее ценным справочником, полезным каждому, кто хочет глубоко изучать творчество Ибн ал-'Араби. Хотелось бы отметить высокое качество выполненных В. Читтиком переводов. Некоторое недоумение вызывают частые повторы одних и тех же идей, встречающиеся в отрывках, которые автор помещает в разные разделы своей книги. Некоторые пассажи порой имеют лишь отдаленное отношение к теме, заявленной в подразделе или главе. К примеру, отрывок, помещенный в гносеологическом разделе, может быть с полным правом отнесен в раздел об он-

⁶ H. Corbin. L'imagination créatrice dans le soufisme d'Ibn Arabi. P., 1958.

⁷ Непосредственное отношение к теме, затронутой в книге В. Читтика, имеют следующие статьи: M. Sells. Ibn 'Arabi's Garden Among the Flames: A Reevaluation. — History of Religions (Chicago). Vol. 23, 1984, № 4, p. 287—315; idem. Ibn 'Arabi's Polished Mirror: Perspective Shift and Meaning Event. — Studia Islamica (P.). Vol. 68, 1988, p. 121—149.

тологии, и наоборот. Однако здесь нет вины автора: он дает материал так, как его излагает сам Ибн ал-'Араби, чей стиль, как уже говорилось, характеризуется непоследовательностью и недосказанностью. В соответствии с провозглашенным им во «Введении» подходом, автор вынужден следовать за прихотливыми изгибами рассуждений Шайха.

Удалось ли В. Читтику избежать субъективизма в описании воззрений суфия? На мой взгляд, нет, ибо сам характер текста «Ал-Футухат» предполагает несколько возможностей его истолкования. Вероятно, в этой поливалентности и следует искать истоки столь широкого влияния Ибн ал-'Араби на своих единоверцев.

Хочется надеяться, что книга В. Читтика займет почетное место в ряду исследований о творчестве великого суфия.

Y. CHAMBERS. THE DEVIL'S HORSEMEN.

London — New Haven — Cassel, 1989, 214 p.

© 1991

М. Н. ЧЕМЕРИССКАЯ

Нашествие монгольских войск на Европу в XIII в. — одно из важнейших событий мировой истории — не случайно привлекает внимание исследователей даже тех стран, которые никогда не подвергались набегам монгольских всадников. Дж. Чемберс — известный британский кинематографист и военный историк — впервые опубликовал свою книгу в 1979 г. Сейчас она вышла вторым изданием, что свидетельствует о неослабевающем интересе к ней. Для читателей нашей страны, почти все народы которой были так или иначе затронуты рассматриваемыми в книге событиями, данная проблема имеет особое значение. О том, что интерес к XII—XIII вв. носит не академический характер, свидетельствует оживленная и часто выходящая за пределы чистой науки полемика, возникавшая за последние 25—30 лет вокруг работ А. Зимина, И. Гумилева, О. Сулейменова и др.¹

Работа Дж. Чемберса основана на широком круге источников (впрочем, опубликованных только на европейских языках), снабжена картами и иллюстрациями.

Книгу открывает глава, посвященная завоеванию Хорезма. Автор справедливо подчеркивает, что к моменту убийства в Хорезме монгольских послов Чингисхан, «удовлетворенный размерами своей империи и благоговейным страхом, который испытывали окружающие его цивилизации, начинал жить, подобно им, посредством дипломатии и торговли». Войско, кроме личной гвардии кагана и экспедиционного корпуса в Китае, было распушено. Однако «щедрость и лояльность, за которые его справедливо уважали на Востоке, на Западе столкнулись с неуважением» (с. 6). Шахом Хорезма, по предположению автора, руководило презрение к «неверным», с которыми он в минуту слабости заключил договор. Известие о переломе хорезмийцев пробудило в Чингисхане свойственную ему смелость страсть к войне, к завоеваниям, а монгольские обычаи требовали отмщения гибели послов. Автор большое значение придает психологии действующих лиц своей книги. Характерной особенностью всей работы является также приращение к параллелям с западной историей. Но если сопоставление вражды хорезмшаха с калифом багдадским и борьбы императоров с папами, при всей условности, все-таки

¹ Высказывалось мнение, что в годы «застоя» интерес к прошлому был своеобразной формой интеллектуального эскапизма: люди углубились в далекие века, так как не могли «по-настоящему» писать о современности и недавнем прошлом. Но мнение, хотя многие запреты сняты, а публикаций о дне вчерашнем и сегодняшнем хоть обильней, внимание к делам давно минувших дней сохраняется. Так, «Апокрифический диалог» И. Гумилева опубликован в «Неве» в 1988 г., а письма в редакцию журнала по поводу «проблемы ига» не иссякают. В № 8 за 1990 г. помещена работа на эту тему С. Бондаренко, где она пишет: «Прихожу в ужас от мысли, что хотя бы часть из полумиллиона читателей думает: „учебники врут, не было ига“» (с. 198). Здесь не место спорить или соглашаться с мнением С. Бондаренко, но ясно, что эта проблема волнует не только ее одну. Осмелюсь предположить, что Дж. Чемберс обратился к монголам XIII в. не потому, что кто-то мешает ему заниматься современными проблемами его родного Ольстера.